разгрома в живых. „Повесть“ называет их рабами Юрия Ингоревича, „которых бог соблюде — быша вне града“. Однако этот образ лишь намечен. С одной стороны, дружины в бою мы не видим, бьется один Евпатий. С другой стороны, сами дружинники заявляют о своей роли в битве. Здесь налицо известное противоречие, и объяснить его можно только тем, что в народном песенном творчестве той эпохи были свои, характерные именно для того времени приемы показа войска в бою. Фольклору уже известен образ-символ: воины, уничтожающие врага, — „гостеприимные хозяева“, не успевающие наполнять чаши; этот образ и вошел в песню. Более реалистический образ войска, решающего своим героизмом исход сражения, будет создан народной поэзией позднее.

В последнее время высказывается совершенно противоположная точка зрения по вопросу об историческом развитии образа эпического героя, как собирательного образа народной силы. По мнению Д. С. Лихачева, в народной поэзии „военный предводитель постепенно вытесняет подвиги своего войска и тем самым приобретает богатырские размеры, богатырскую силу, гиперболизируется“.[1] Предполагается, таким образом, что в старших эпических песнях действовала масса, возглавляемая вождем, руководителем. Постепенно в народном творчестве совершался процесс, который „в былинах позднейших приведет в конце концов к тому, что русское войско окажется поглощенным в собирательном образе богатыря. Богатырь вберет в себя реальные свойства русского войска, будет совершать подвиги один, без дружины, без товарищей по оружию: один будет освобождать и Киев, и Чернигов, один будет побеждать бесчисленное войско врагов Руси“.[2] Процесс этот, как считает Д. С. Лихачев, в своей начальной стадии зарегистрирован „Словом о полку Игореве“ в образе Всеволода Буй Тура.

Все это построение мне не кажется достаточно убедительным. Русский эпос не знал реального образа войска; коллективное творчество создало образ эпического героя, богатыря, который обычно бьется один, олицетворяя собой мощь и непобедимость народа. Эпический герой — это гигантское обобщение, созданное народом, в этом и заключается специфика художественной типизации в эпосе. Думаю, что пример со „Словом“ неудачен: Всеволод — не богатырь, но князь, военачальник. Богатыри не представлялись народу военачальниками, не были князьями. Другое дело, что древнерусские писатели, создавая образы князей-героев, уподобляли их богатырям и в этом случае переносили на них качества эпических героев, но оставляли их в то же время князьями, военачальниками, сохраняли за ними дружину и т. д. Образ Всеволода не может являться материалом для изучения собственно фольклорных процессов XII века, но представляет прекрасный материал для исследования вопроса о путях и характере использования народной поэзии древнерусскими писателями.

Что касается песни о Евпатии, то в ней как раз можно усмотреть начальный этап процесса, в результате которого рядом с эпическим героем появляется военная масса, войско, как решающая сила военных событий, а сам герой постепенно обретает черты реального руководителя, полководца. Песня интересна тем, что в ней запечатлено самое начало этого процесса: герой в основном остается еще эпическим, хотя действует не в эпической, а в исторической обстановке, а идущая

---

[1] Русское народное поэтическое творчество, т. 1, стр. 246.
[2] Там же, стр. 246—247.